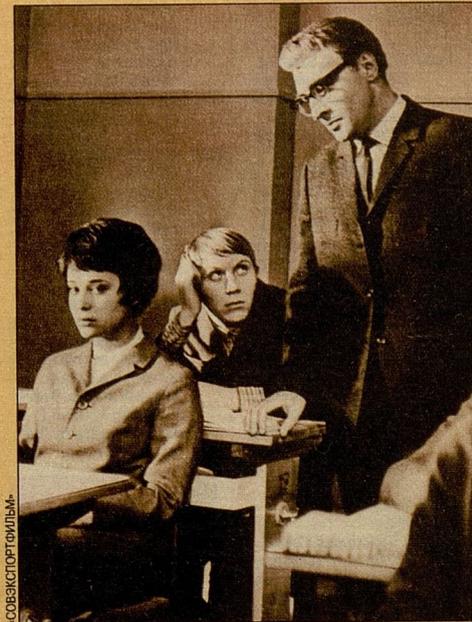

ЮРИЙ ЧЕРНОВ: «Я ВСЮ ЖИЗНЬ ИГРАЮ ДВОЕЧНИКОВ»

В фильме «Пароль не нужен» юному студенту циркового училища Юрию Чернову поручили сыграть роль солдата, изображающего японского генерала в самодеятельном спектакле. Наклеив черную бороду и усы, Юра отправился прогуляться по коридорам студии Горького. Случайно заглянул на съемочную площадку фильма «Доживем до понедельника». Станислав Ростоцкий, увидев это чудо природы, воскликнул: «Да это же вылитый Сыромятников!»

Сыромятников в «Доживем до понедельника» — первая кинороль Юрия Чернова. С Ириной Печерниковой и Вячеславом Тихоновым. 1968 г.

— Юрий, вы могли предположить тогда, что пробил ваш «звездный час»?

— Фильм «Доживем до понедельника» ворвался в мою жизнь как мощный смерч, завертевший меня в своем вихре. Первый съемочный день, второй, третий — сплошной праздник, опомниться было некогда. После съемок я прямо в гриме мчался на занятия, ни одной минуты не было свободной. На самой же площадке все было просто и легко. Я и не замечал, как Станислав Иосифович с нами работает. Спокойно сидим, разговариваем о жизни, смеемся, вдруг он командует: «Мотор!» — и начинается съемка.

Как вы помните, мой Сыромятников — двоечник и разгильдяй. Мне выдали новенький портфель. Но разве у двоечника может быть такой? И вот мы решили его «отфактурить» — поиграть им на улице в футбол. Мимо шла какая-то тетка, стала нас ругать: «Хулиганы, оболтусы, что вы делаете!» А мы довольны — значит, вжились в образ. Приходилось, между прочим, и рисковать. В одной из сцен меня ударяют дверью по лбу. Долго репетировали, хотели, чтобы я мог вовремя незаметно отклониться от двери. Но ничего не получалось — я все время падал на пол раньше времени. Наконец мне это надоело, я подумал: «Бог с ней, с головой» — зажмурился и подставил лоб по-настоящему. Ох, и удар же был! Законно приложили!

— Педагоги циркового училища поощряли ваш кинематографический эксперимент?

— Я скрывал, что снимаюсь в большой роли, нам это не разрешалось. Опаздываю в очередной раз на экзамен: «Где был?» — спрашивает преподаватель. «Ездил на похороны, бабушка умерла». Потом я «похоронил» тетю, дядю, других родственников... Ну а когда фильм вышел, мой обман раскрылся. Картину приняли на «ура». Какая у нас была премьера! В Доме кино — аншлаг. Аплодисменты, нас обнимают, целуют. У меня взяли первое в жизни интервью.

ТЕТ-А-ТЕТ

Мамочка моя была просто потрясена, а я плакал от счастья. Мне же тогда было всего восемнадцать лет, и вдруг такой успех. На улице оборачивались вслед, шептали: «Смотри, смотри, Сыромятников пошел»... И до сих пор меня помнят в основном почему-то только по фильму «Доживем до понедельника». Хотя потом я много снимался...

— *Неужели после такого успешного дебюта вам не предложили новой крупной роли?*

— Да меня сразу же пригласили на роль Петрухи в «Белом солнце пустыни»! Но в училище поставили ультиматум: «Либо съемки, либо училище. Выбирай». Я долго колебался, звонил маме, советовался. Она сказала, что надо доучиться, и я выбрал образование. Хотя, кто знает,

шева в Москву, даже не дождавшись выпускного вечера. Подал документы сразу во все театральные училища и институты: в ГИТИСе прошел на второй тур, во ВГИКе. Жил в общежитии, и один парень попросил: «Я завтра показываюсь в цирковом училище, подыграй мне на гитаре». А я и не знал, что такое есть. Наутро взял гитару, и мы отправились на экзамен. В результате его не приняли, а мне сказали: «Останьтесь». Судьба! И я не стал с ней спорить. Значит, так надо. А про себя подумал: «Там видно будет».

— *А вообще-то долго раздумывали, выбирая профессию?*

— Я уже в пятом классе твердо решил, что буду артистом. Ни о чем другом подумать не мог. Мамины гены! Наверное, в нее пошел. Она у меня веселая,

Чернов (в центре) в роли писаря Чумички в фильме «Там на неведомых дорожках». 1982 г.

может, моя карьера в кино сложилась бы совсем по-другому, сыграй я в «Белом солнце пустыни». Но ничего. Это моя жизнь, и я не жалею, что она такая. Все равно я всегда был в работе — выступал в концертах, играл в театре.

— *Как-то легко вы об этом говорите. Другой бы сетовать стал на судьбу-злодейку.*

— А зачем? У меня в жизни все складывалось легко, хотя, может, это и плохо — характер-то закаляется в трудностях. Я ведь даже в училище поступил как бы между прочим. Уехал из Куйбы-

живая, любит посмеяться, любит гостей. Я всем друзьям, кто едет на гастроли в Самару, всегда даю ее адрес — она всех накормит, всем даст с собой пирожков. Иногда достаточно кому-нибудь просто от меня передать привет, а она уже тащит его в гости. А как мама поет... В молодости она мечтала стать актрисой, но не сложилось — во время войны ей пришлось пойти работать на авиационный завод. Зато меня, 12-летнего, она привела за руку на Куйбышевскую студию телевидения. Я там участвовал в нескольких телепостановках. Танцевал, стихи

Семейный квинтет: Юрий Николаевич с мамой Валентиной Ивановной, старшей дочерью Анной, внуком Лешей и сыном Максимом

читал, песни пионерские пел. Голос у меня был тонкий, все думали, что поет девочка. Передачи с моим участием производили настоящий фурор, наутро после эфира я приходил в школу как герой. Я вообще любил находиться в центре внимания, был очень бойким мальчиком, занимался во всех кружках. В пионерлагере, куда мы с сестрой ездили каждое лето вместе с папой (он там работал художником-оформителем), ходил с ребятами в походы с ночевкой, ловил рыбу, лазил по Жигулевским горам... До сих пор помню, как под дождем варил на всех кашу с тушенкой.

— *Наверное, будущий актер и пофортить был не прочь...*

— А как же! Поддерживал имидж как мог: выбривал на голове бритвой пробор, а однажды выкрасился хной в красный цвет. Девчонкам нашим понравилось — подходили, спрашивали, как такой оттенок получился. Вообще я был жутким модником. Моя крестная была портнихой. Я у нее научился шить. Тогда были модны брюки клеш, и все приятели шли ко мне вставлять в брюки клинья и пришивать к ним лампочки. У меня здорово получалось. Да и до сих пор мне нравится крутить машинку, это успокаивает. С удовольствием распарываю, если что надо, подшиваю, ушиваю.

— *Идиллия, да и только!*

— Ну уж не думайте, что все мои школьные увлечения были так безобидны. Частенько мы и колобродили: то с уроков в кино сбежим, то на трамвайные рельсы брус положим. Нас забирали в милицию, ругали: «А если трамвай сойдет с рельсов!» У мамы был свой метод борьбы с влиянием на меня улицы: она постоянно переводила меня из школы в школу. Как только видела, что я начинаю сблизиться с какой-то компанией, сразу отводила в другую школу. Наверное, благодаря этому я и сумел окончить десять классов без особых проблем и благополучно уехать учиться в Москву.

— *И вот вы переступили порог циркового училища, даже не представляя, чем будете там заниматься. Ну и каковы были первые впечатления?*

— В первый день моей учебы у кого-то из акробатов улетела вверх под колосники лонжа. И один из парней спросил меня: «Сможешь подхватить ее?» Я, не подумав, согласился. Меня привязали веревкой и подтянули на самый верх, под купол, где болталась эта лонжа. Ощущение жуткое. Когда увидел арену далеко внизу, сердце сразу ухнуло. Я всегда страшно боялся высоты. Но зато с тех пор вот уже много лет хочется снова испытать это ни с чем не сравнимое чувство парения в воздухе. Вообще-то я люблю испытывать себя в экстремальных ситуациях. Захотел прокатиться на водных лыжах — и прокатился, причем посередине Волги. Фантастические ощущения. Как-то девочку тонущую спас, хотя сам плаваю плохо и никогда далеко не заплываю. А в одном из фильмов гарцевал на лошади буквально по краю пропасти. Потом, когда слез с коня и заглянул вниз, ужаснулся: «Что я делаю, безумец?» А в цирковом училище у меня тогда все сложилось замечательно. Я полюбил фехтование, акробатику, с удовольствием жонглировал... Единственная проблема — неуклюже танцевал. Был сутулый, «косил» под Никулина, и меня педагог все время била по спине: «Не сутулься, не сутулься!»

— *Жили в общежитии?*

— Да, в Кунцево. Жили мы дружно — все вместе, все пополам. Нас весь район знал. Часто в маленьком дворике мы устраивали концерты, кто во что горазд: кто на руках ходил, кто булавой жонглировал. Посмотреть сбегались все местные девочки. Да и в электричках, на которых мы ездили в училище, к нам тоже все хорошо относились, контролеры даже не штрафовали. Мы любили приколоться: в тамбурах прикидывались пьяными, шумели, разыгрывали учебные

«Супруга у меня человек серьезный — профессор. Поженились мы первого апреля. Такая вот первоапрельская шутка получилась».

С женой Валентиной Федоровной

МАРК ШТЕЙНБЕК

драки. Подходили милиционеры, мы им долго морочили голову, потом «раскальвались»: «У нас репетиция». Да, хорошее то было время...

— Не пожалели потом, что стали артистом-эстрадником?

— Что вы! Мне моя профессия нравится. Я же и теперь все могу — жонглирую, фехтую, со стулом на лбу пробалансирую, пантомиму покажу. А однажды мой педагог, Тамара Трифоновна Гаврилова, еще посоветовала: «Попробуй, возьми балалаечку. Сделай номер!» До этого я играл на разных инструментах. Труба, саксофон, кларнет, гармошка, гитара — все было мне подвластно. Вот только на балалайке не играл. А тут взял ее, и оказалось, что именно она — мой инструмент. К лицу моему, что ли, подходит. Я ведь по своей натуре комедийный артист, и всю жизнь играл в основном пьяниц, дебоширов, бандитов, в общем, двоечников по жизни. Что только с ними не происходило! То в меня швыряли яйцами, помидорами, то грязью обливали, то голуби на меня гаддили, то приходилось взасос целовать поросенка... Однажды мой маленький сын даже спросил у жены: «Почему у нас папа такой плохой?» И не только сын так думал. Помню, я как-то снялся в рекламе, в которой ел красную икру и говорил: «Хлеб — всему голова». Ее транслировали по всем каналам. И случилось так, что в то же время я снимался в «Фитиле» вместе с Валерой Носиком — по сюжету мы, два алкоголика, стояли на улице и продавали утюг. Снимали скрытой камерой. Прохожие, увидев нас, решили, что все происходит

взаправду, собрались вокруг и стали возмущаться, указывая на меня: «Смотрите, стыдоба какая! В рекламе икру жрал, а тут дошел совсем, утюг продает на опохмелку».

— В кино вы законченный алкоголик, а в жизни?

— Раньше, как и все, был не прочь время от времени выпить. Но давно уже бросил и выпивку, и сигареты, чтобы не подавать дурной пример детям. Сказал себе: «Нет, и все!» Иначе не выдержать — ведь столько спектаклей, гастролей, переездов, репетиций... Надо иметь крепкое здоровье, зачем же подрывать его? Да и лицо у артиста хорошее должно быть. Когда я сам бросил выпивать, мне захотелось помочь тем, кто оказался в наркозависимости (ведь алкоголизм, как известно, — это вид наркомании). Я познакомился с людьми из Общества анонимных алкоголиков, стал выступать в тюрьмах, диспансерах, школах, проводил занятия. Для этого, кстати, прошел специальное обучение в Америке, получил диплом.

Я так думаю: если у меня все хорошо, надо постараться сделать максимум для того, чтобы и у других было спокойно на душе. Поэтому я с удовольствием вместе с моими друзьями помогаю еще и одаренным детям-инвалидам. Пусть они тоже смогут хоть что-то сделать из того, о чем мечтают: выступают на концерте или запишут свою песню на диске. Сам-то я хочу в жизни все успеть.

— А если не секрет, что успели в личной жизни?

— Тут все в порядке. Есть любимая жена, Валечка, — мы с ней вместе скоро

уже двадцать пять лет. Есть наши дети. Сыну Максиму сейчас 22 года. Он только что защитил диплом в Московском университете культуры по специальности художник-ювелир. Дочка Ярослава окончила 10 классов, сейчас продолжает учебу в Германии. Мамочка наша человек серьезный — профессор, работает в Министерстве культуры, пропадает там с утра до поздней ночи. Даже в выходные ей часто звонят по делам. Что поделывать, служба! Это мой второй брак. Первый раз женился я рано — моя будущая супруга жила рядом с цирковым училищем, а я уже рассказывал, как легко мы тогда могли обаять девчонок. Вот мы и стали с ней встречаться, а потом скоропалительно расписались. Но все это было несерьезно, мы прожили совсем недолго и разошлись. Своего жилья у меня не было, и я с полгода ночевал у друзей или спал в примерной, куда меня пускал в свое дежурство по большому секрету один пожарный. В общем, что сейчас вспоминать о том времени? У моей первой жены давно уже своя семья, у меня — своя. Единственное, что осталось дорогого от того брака — дочка Аня. Мы с ней часто видимся, она приходит к нам вместе с мужем, Валя ее принимает как родную дочь. Аня, как сейчас модно, — коммерсант. У нее есть сын Леша, в сентябре пойдет в третий класс. Живут в Малаховке, им там нравится.

— А где же вы познакомились с Валей?

— В ГИТИСе, куда я поступил на режиссерский. Она была лаборанткой в учебной части, писала диссертацию. Я как ее увидел — просто ноги подкосились. Глаз не мог отвести, любовался,

как она ходит, как смотрит. И сразу почувствовал, что Валя может создать настоящий дом, где мне всегда будет хорошо и спокойно. С ней у меня будет защищенный тыл. Она никогда не подставит, не предаст. Вскоре Валя повезла меня к своим родителям в Нальчик — знакомиться. Родители у нее оказались потрясающими. Мы потом долго жили вместе с мамой Вали, Ольгой Трифоновной. Одно интервью со мной даже так и назвали: «Лучший друг Чернова — теща». Поженились мы с Валей первого апреля. Такая вот первоапрельская шутка получилась. Из загса я отправился в Театр миниатюр, играть жениха в спектакле «Точка зрения», а потом со всеми актерами, занятыми в спектакле, вернулся в свою коммуналку, где уже давно ждали гости. У меня к тому времени уже появилась своя крошечная комнатка: от стены до стены рукой можно было достать. В ней были сделаны полати с лесенкой, наверху лежал матрас. Вот там нам и предстояло жить. Но, правда, для первой брачной ночи Валина подруга предоставила нам свою шикарную четырехкомнатную квартиру на Сивцевом Вражке, и мы часа в три ночи, оставив гостей в коммуналке, поехали туда. Вскоре у нас родился Максим. Мы назвали сына в честь моего деда... Знаете, в молодости я любил покуролесить, на субботу-воскресенье сорваться куда-то, полететь покупаться в море или еще что-нибудь придумать этакое... А сейчас, честно говоря, не хочется. Домой тянет. А если я и иду куда-то, то только с Валей. Ну как же я без нее?

Тамара СЕРГЕЕВА